

Леонард Вехтер

Святой трилиственник

Леонард Вехтер

Святой трилиственник

«Public Domain»

1798

Вехтер Л.

Святой трилиственник / Л. Вехтер — «Public Domain», 1798

«Во время крестовых походов, спустя несколько лет по завоевании Святого гроба Готфридом Бульоном жил в Германии рыцарь Венфрид, старый, скупой, угрюмый. Никогда веселость не заходила в его пустынный замок, никогда не оглашали его восклицания пиршества; уединение и вечное молчание в нем обитали. Дряхлый Венфрид год от году становился дряхлее, шатался от старости, лицо его беспрестанно покрывалось новыми морщинами, голова седела и наклонялась. Наконец время рассчитывать со смертью наступило...»

Леонард Вехтер

Святой трилиственник

Во время крестовых походов, спустя несколько лет по завоевании Святого гроба Готфридом Бульоном жил в Германии рыцарь Венфрид, старый, скупой, угрюмый. Никогда веселость не заходила в его пустынный замок, никогда не оглашали его восклицания пиршества; уединение и вечное молчание в нем обитали. Дряхлый Венфрид год от году становился дряхлее, шатался от старости, лицо его беспрестанно покрывалось новыми морщинами, голова седела и наклонялась. Наконец время рассчитывать со смертью наступило. Рыцарь затрепетал, увидев перед собою ужасного косаря. Хотелось еще пожить на свете, еще любоваться на милые червонцы, но грозное страшилище было глухо к молитвам грешника, а набожные монахи редко посещали замок, ибо рыцарь Венфрид, щедрый на молитвы, был скуп на деньги! Нечего было делать, надлежало расстаться со светом; рыцарь уныло посмотрел на крепкие сундуки, окованные железом, охнул раза два и отдал Богу душу.

Его имение осталось трем дочерям в наследство. Две, рожденные от первого брака, были уже в летах; третья, которую прижил он с другою женою в старости, была еще очень молода и цвела, как роза. Скупость отца лишила их удовольствия супружества. Старшая, Гертруда, могла назваться живым изображением покойного: та же сухощавость, тот же крюком нос, впалые глаза и щеки, острая борода и на спине сутулость. Словом, редкая красавица! Но красота ее могла тронуть чувствительное сердце только с помощью порядочного приданого. Условие, которого родитель не подумал исполнить, и добрая Гертруда принуждена была довольствоваться состоянием целомудренного одиночества. По счастью, мужеский пол представлялся ей не с самой блестящей стороны своей: рыцарь Венфрид совсем не имел знакомых, никогда не позволял дочерям посещать турниров, а рыцарские слуги своим исчахлым и голодным видом скорее располагали к мыслям о ничтожестве, нежели к размножению бытия своего; иногда, но редко, нечто похожее на чувство пробуждалось в девственном сердце Гертруды, она старалась победить искушение лукавого и, наконец, очистившись благочестием, решила всю жизнь свою посвятить посту и молитве. Такое богоугодное намерение привязало к ней родителя. Приятно было видеть отца и дочь, окруженных кучами червонцев, в сладком, восхитительном созерцании, забывших телесный мир, унижавший удовольствия пылкой юности: один – потому, что они стоили денег, другая – потому, что никогда их не испытала. Гертруда по праву старшинства была наставницею своих сестёр и каждый час твердила им о преимуществах девственной, безупречной жизни, сладостях уединения и прелестях духовного сообщения с Богом.

Бригитта, средняя, слушала с великим рассеянием проповеди Гертруды и забывала их в объятиях патера Феликса, толстого, рыжего, красноногого служителя Белиалова с лисьим взглядом, сминою наружностью, робкою поступью и черным предательским сердцем. Он один посещал Венфридов замок, успокаивал рыцаря, когда ему случалось увидеть страшный сон, и очень часто нарушал приятные сны Бригитты.

Аделина, младшая сестра, осталась пятнадцати лет по смерти Венфрида и имела такое же сходство с Гертрудой и Бригиттой, как майское светлое утро имеет с дождливою сентябрьскою ночью. Один миннезингер, которому случилось видеть Аделину, когда она, раскрасневшись, бежала с кружкою к колодцу, чтобы напоить больную старушку, лежавшую при дороге, сравнивает в своих стихах цвет ее лица с белою лилией, озаренной розовым блистанием вечера, голубые чистые глаза со светлым ручьем, в который смотрится полный месяц, губы – с свежим соком вишни, которая сама собою от спелости разрывается; короче, добрый стихотворец, описав ее в минуту вдохновения, не сказал ничего лишнего и многое, может быть, выразил слабо. Гертруда, хотя от природы имела завистливое сердце, нередко засматривалась на миловидную Аделину, любила расчесывать гребнем и завивать в кудри ее светлорусые волосы, мягкие, как

шелк, и называла ангелом Божиим; Бригитта очень часто целовала её горячие розовые щеки и берегла цветы, которые Аделина приносила ей с поля. Патер Феликс божился, что не видал ни одного образа Богоматери, подобного по красоте Аделине. Добродушие и невинность украшали ее, сияли на лице ее и в темных голубых глазах, осененных густыми ресницами. Нежный, благоуханный цветок, который необходимо увянул бы в стенах пустынного замка Венфрида, и взоры нежного супруга никогда не насладились бы его красотой, когда бы старый отец очень кстати не вздумал кончить своей ничтожной и тягостной жизни.

Опустив в могилу родительские кости, сестры начали советоваться о том, что делать, какой род жизни выбрать. И Гертруда в присутствии патера Феликса сказала следующее Бригитте и Аделине:

– Милые сестры, все тленно, розы и лилии вянут, дни исчезают, осень и зима следуют за весной и летом. Бренность суть жребий человека; жизнь наша – обман и привидение, женская красота блистает минуту, и ложные удовольствия любви суть призрак един, мгновением уничтожаемый. Бойтесь опасной приманки сердца; бойтесь сего летучего огня, который заводит в болота и пропасти.

Бригитта и патер Феликс взглянули друг на друга; ясные взоры Аделины выражали спокойствие непорочности.

Гертруда. Мы, женщины, служим игрушкой властолюбия и суетной гордости мужчин: они почитают нас созданными для их забавы; ласкают в надежде поработить и мучают, имея во власти. Милые сестры, не должно ли нам стремиться избежать такой жестокой неволи. Дающий другим, беднеет сам. (Тут сморщилось важное лицо патера Феликса.) Грешный свет охотно занимает и редко платит. Но царь небесный всегда отдает сторицей. (Тут патер Феликс опять начал смотреть весело.) Блаженной памяти наш родитель оставил нам такое великое богатство для расточения! О нет! Беречь и умножить его – наша должность. Каким же средством, милые сестрицы? Посвятив себя Господу Богу. (Патер Феликс, кивнул головою, с улыбкой согласился.)

Гертруда продолжала:

– Я знаю, что ни одна из вас не захочет погубить души исканием удовольствий, которых сама церковь Божья не одобряет; грех иногда имеет приятную наружность, супружеские радости привлекательны на первый взгляд – но после! О, друзья мои, плач и скрежет зубов. Напротив, жизнь целомудренная и чистая приятна Богу, она венчается райским венцом, блистающим, как звезды небесные! Вожденная награда! Милые сестры, хотите ли заслужить ее вместе со мною, хотите ли?

– Хочу, хочу, – воскликнула Бригитта, – супружество мне противно, и не надеюсь найти в нем никаких новых удовольствий, разве только одни новые печали. Не правда ли, патер Феликс?

Патер. Совершенная правда! Супружество – несчастье!

Гертруда. А ты, Аделина?

Аделина. Сестрица, я не знаю, что такое супружество.

Гертруда. Супружество – как бы тебе сказать – супружество есть неволя! Вообрази человека, брошенного в подземную тюрьму, темную, сырую, наполненную змеями, скорпионами, всякими гадами, которые сосут его кровь: вот состояние супруги.

Аделина. Боже мой, какой ужас! А целомудренная жизнь, которую вы так хвалите...

Гертруда. Станный вопрос!.. она – она...

Патер. Да она...

Аделина. Видали ли вы моих голубков, которые живут так дружно, беспрестанно друг друга целуют, трогают крылышками; вместе сидят, вместе свивают гнезда... не это ли называется целомудренность?

Патер. Бог с тобою, Аделина! Это супружество!

Аделина. Бедные голуби!

Гертруда. Я вижу, что ты совершенно еще ребенок рассудком. Лучше не думай ни о чем, слушай нас и патера Феликса, последуй нашему примеру и вместе с нами будь...

Патер. Монахиней.

Гертруда. Нет, просто отшельницею.

Бригитта. Прекрасная мысль, сестрица. Иногда и мне то же самое приходило в голову: беспрестанно беседовать с господом Богом! Какая жизнь, какое счастье! Вот истинная и верная дорога к Царству Небесному.

Гертруда. И ко святости на земле. Слушайте: в поместьях покойного батюшки у самого почти монастыря святой Урзулы, находятся три холма, очень близкие один от другого. На каждом построим по келье и часовне...

Патер. Святая Гертруда, Божия благодать говорит твоими устами.

Гертруда. Нет, преподобный отец. Я повторяю Ваши уроки, но выслушайте до конца смиренную свою ученицу. Мы поселяемся каждая в своем уединении; кельи затворим, или лучше сказать, шалаши, убежище от зноя и холода, бедный древесный мат – наша постеля, дубовый отруб – подушка, малую часть нашего времени посвятим работе в саду, чтобы не умереть с голода, остальную – молитвам, божественному пению, сладким беседам с Господом Богом и его святыми угодниками. Белое полотно, веющее над часовней, будет знаком, что все благополучно в келье, что грешная сестра здорова, любит своих сестер и поминает в молитвах. Напротив, черное должно возвещать болезнь или несчастье. Сокровища, нам оставленные покойным родителем, положим на престол вашего храма, патер Феликс. И если по воле Божией переселимся в вечную жизнь, то братия вашего монастыря наследует наше имущество.

Патер Феликс благословил намерения смиренной Гертруды. В короткое время построены кельи и часовни. Монахи прославили затворниц. Со всех сторон бежали к ним богомольцы и паломники. Гертруда и Бригитта отпускали их с молитвою; добрая Аделина помогала страждущим, лечила больных, плакала с несчастными, давала деньги неимущим и всех утешала своим невинным, веселым взглядом. Скоро везде заговорили о чудесах Святого трилиственника – так называла Гертруда себя и сестер. И в самой схиме Гертруда была примером покаяния, мучила свое тело постом и дисциплиною, а небо беспрестанно жарко молила о святости и спасении. Бригитта следовала набожным увещаниям патера Феликса и была довольна. Аделина в непорочности сердца жила весело и беззаботно, смотрела за цветами, любовалась игрою своих голубков; иногда только в часы безмолвного, нечувствительно воцаряющегося вечера, когда в дыхании весеннего ветерка разливалось вокруг неё сладкое очарование, она вздыхала, вздыхала, и юная грудь стеснялась, и в ясных глазах показывалась меланхолическая томность. Приближалось время, в которое сердцу Аделины надлежало почувствовать любовь, любовь со всеми сладостями, со всеми волнениями и муками.

Не в дальнем расстоянии от келий был крепкий и славный замок Фельзек. Там жил прекрасный юноша, рыцарь Виллибальд, один из лучших и благороднейших людей того времени: мужество и ревность к вере увлекли его в Палестину вместе с рыцарем Германом Герсбруком, старым опытным воином и названным братом. Неверные испытали могущество его мышцы, но рыцарь Виллибальд, возвратясь в отечество, был уже не тот, что прежде: угрюмый и погруженный в меланхолическое сумасшествие любви, он бегал от людей и прятался в древних стенах неприступного замка Фельзека.

Вот, что случилось с ним в Иерусалиме. Город был уже взят, крестоносцы бегали по улицам. Кололи и грабили. Рыцарь Виллибальд без шлема, с изрубленным щитом, усталый до крайности, перескочил через низкий забор одного сада, желая отдохнуть под его тенью; вдруг слышит тихий, приятно-унылый голос женщины, идет и видит сарацинку, прекрасного ангела не более пятнадцати лет, совершенную невинность, в слезах, на коленях, молящую христианского Бога о жизни семерых ее братьев, которые скрывались в ближнем киоске. Какое

зрелище для человека, видевшего за минуту все ужасы сражения. Рыцарь стоял неподвижно, пораженный, растроганный. Невинность и миловидное лицо сарацинки, ее печаль, молитва, приятная гармония голоса, глаза, украшенные скорбью, прелестные руки, простертые к небу, волосы, разбросанные по плечам, гибкий стан, беспорядок одежды, юная, обнаженная грудь, которая быстро поднималась и опускалась, – всё вместе составляло совершенство девственной красоты, которая произвела глубокое впечатление на душе Виллибальда. «Я спасу твоих братьев», – воскликнул он, показавшись из-за деревьев. Незнакомка вздрогнула, побледнела, сложила руки, наклонила свою прелестную голову и сказала:

– Христианин, убей меня, но пощади моих братьев.

– Скорее сам погибну.

– Ах, не обмани меня, – продолжала Зулика (имя сарацинки), упавши в восхищении на грудь Виллибальда, который покрыл поцелуями нежные щеки ее, орошенные слезами. – Ты добр, христианин, для чего не все иноземцы твои с тобою сходны?

Между тем братья Зулики увидели в саду крестоносца и бежали к нему с обнаженными саблями. Зулика остановила их. «Он ваш спаситель», – сказала она, и рыцарь в знак уважения наклонил меч. В сию минуту множество бежавших христиан ворвалось в сад. Не внемля ни просьбам, ни угрозам Виллибальда, они, как иступленные, напали на сарацин, рыцарь защищал их мечом, рубил своих единоверцев, но превосходство числа победило, сарацины все побиты, и сам Виллибальд с глубокою ранюю на голове упал замертво на землю. Очувствовавшись, увидел он близ себя Зулику, окровавленную и мертвую. Милые глаза ее были тусклы, юная грудь неподвижна; единый легкий оттенок улыбки остался на устах, которые за несколько минут так трогательно молились. Бешенство овладело рыцарем. По счастью, Герсбрук находился в ту минуту при нем: он спас его жизнь и вылечил рану, но страшное воспоминание осталось в душе Виллибальда: образ Зулики его преследовал, он впал в глубокую меланхолию, беспрестанно задумывался, иногда приходил в бешеное иступление, часто заливался слезами и совершенно помутился в рассудке. Рыцарь Герман привез его в отечество, где в рощах замка Фельзека развел точно такой сад, в каком увидел и потерял Зулику. Там во всякое время под сумраком сеней скитался он, уединенный и мрачный; горемычная душа его находила сладкую пищу в тоске и воспоминании.

Герсбрук, услышав о чудесах Святого трилиственника, прославленного монахами, вздумал прибегнуть для излечения своего несчастного друга к молитвам затворниц. Но теплое усердие Гертруды и Бригитты осталось безуспешно. Аделина, всегда чувствительная к страданиям ближних, хотя смиренно признавалась, что не имеет той сильной веры, которая движет морем и горами, по просьбе рыцаря Герсбрука побывала в замке Фельзек. Герман встретил ее как вестницу спасения. Аделина, прекрасная, как ангел, в приближении своем казалась благодатью, сходящей с небес. Виллибальда на то время не было в замке, он бегал по лесу, стрелял из лука птиц и белок – единственное занятие, приносившее ему удовольствие. Аделина желала видеть сад, о котором столько наслышалась. Герман проводил ее и оставил одну, воображая, что она хочет молиться и для того ищет уединения.

Глазам Аделины представилась пустыня: густая, сумрачная роща, в которой извивалась тропинка, окружала маленький луг, орошаемый источником. В роще царствовала совершенная тишина; изредка нарушало ее веяние ветерка сквозь листья и порхание горлицы. Сросшийся кустарник и падшие и падавшие деревья, густая трава, мрачные тополи и сосны, дрожащие осины, развесившиеся березы – все представляло картину мрачности и пустоты, которая невольно располагала душу к унынию. Ручей, пересекая луг, сливался в маленькое озеро, на берегах его росли акации, дикие вишни и кустарник; далее, над самым озерком, в том месте, где оно вдавалось в рощу, возвышался пригорок, обсаженный шиповником, а на пригорке белый крест, надгробный камень и человеческий череп. Солнце, склонявшееся к закату, видимое в промежутке деревьев, над голубою отдаленностью, посылало на них свое последнее сияние,

и они ярко отсвечивались в прозрачных, неподвижных водах озера. Аделина была задумчива; сумрак вечера, уединение, очаровательность места, слабое журчание ручья, который с приятным блеском переливался в тростнике и кустарнике, таинственный холм, надгробный камень – все трогало ее сердце; легкий покров ее груди, как будто лобзаемый ветерком, волновался быстрее. Новые чувства, неизвестные, но приятные в ней пробудились. Аделина с тайною радостью приближается к холму; вдруг видит в беседке из акаций, переплетенных с лилиями и розами, спящего юношу: легкое веяние вечернего воздуха взвевало его кудри, небрежно разметанные по щекам, которые от сна и дневного зноя разгорелись; на милом лице, совершенно открытом, заметен был полуизглаженный след прискорбия. Одна рука незнакомца покоилась на траве, другая держала дротик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.